

В этот день Цинь Чэнь прибыл на остров. Будучи старым Императором Боевых Искусств, он обладал проницательным взглядом и, почуяв появление здесь какого-то артефакта, сразу же примчался сюда.

Оглядываясь по сторонам на улице с лотками и разглядывая одну подделку за другой, он не знал, смеяться ему или плакать.

— Это же...

Ему показалось, что он видит знакомого человека, но он не был до конца уверен.

Цинь Тянь прогуливалась в одиночестве, скупая всевозможные вещи — сплошь артефакты, правда, фальшивые.

— Малышка Тянь!

Цинь Чэнь попытался позвать её.

— Дедушка?

Увидев Цинь Чэня, Цинь Тянь тоже удивилась.

— Называй меня дедом!

С улыбкой подойдя к ней, Цинь Чэнь хотел потрепать внучку по голове, но вовремя убрал руку.

Цинь Тянь ничего не ответила, подумав про себя: разве бывает такой дед?

Готов продать внучку другим, совесть и впрямь собаки сожрали.

Хотя по фамилии она была Цинь, но прекрасно помнила, что её отец носил фамилию Тан. А не меняла она фамилию лишь потому, что ей было лень возиться с этим, иначе давно бы уже сменила.

— Что ты здесь делаешь?

— Ничего особенного.

— А где твой отец?

— Дома.

— Не хочешь сходить навестить маму?

— Нет времени.

— Чем же ты занята?

— Дел слишком много.

— Вот как!

Цинь Чэнь не стал расспрашивать дальше. Старый человек — что умудрённый дух, разве мог он не понять, что эта внучка совершенно не скучает по матери и не желает иметь дел с ним самим, её дедом?

Цинь Тянь была занята осмотром артефактов и оставила Цинь Чэня стоять в стороне. Когда же она закончила разглядывать диковинки, Цинь Чэня уже и след простыл.

Родственные узы есть, а чувств никаких — толку от такого общения всё равно ноль, и Цинь Тянь ни капли не переживала.

Тан Цзин лежал у входа, а когда увидел возвращающуюся дочь, хлопнул себя по лбу — он просто не знал, что и сказать.

— Папа!

— Мм.

— Дарю тебе!

— Спасибо, сокровище моё!

— Не за что!

— Хорошо.

— Нравится?

— Нравится.

— Обожаю тебя!

Цинь Тянь вприпрыжку убежала, оставив Тан Цзина в полном недоумении.

Подаренный Цинь Тянь меч тоже оказался самой обыкновенной железякой.

— Ладно, деньги — дело наживное.

Тан Цзин убрал меч: раз уж подарок сделал любимый ребёнок, важен сам знак внимания.

Тогда Тан Цзин достал настоящий артефакт и принялся вертеть его в руках.

— Эй, выпусти меня!

Внезапно раздался голос, доносившийся из внутреннего пространства артефакта.

Тан Цзин присмотрелся: внутри оказался какой-то юнец.

Пространство этого артефакта было крошечным, размером с одну комнату, и в ней сидел человек.

Если бы Тан Цзин не активировал артефакт, этот парень так и спал бы вечно, пока пространство не разрушилось бы, обратив и его самого в прах.

— Живей, выпусти меня!

— С какой стати?

— Быстрее, а то я сам вырвусь, и тогда тебе конец!

— Ха-ха.

Тан Цзин усмехнулся: будь тот способен вырваться сам, стал бы он тут разводить болтовню?

— Я — великий император Сюаньвэй Чу Фэн! Выпусти меня, и я дарю тебе неслыханную удачу!

— Ты — и великий император?

— Не смей смотреть на меня свысока!

— Смотрю и буду смотреть, ну и что?

— Выпусти меня на честный бой один на один!

— Мечтай!

Усмехнувшись, Тан Цзин убрал артефакт подальше — ему было лень препираться с этим дураком.

Чу Фэн погрузился в глубокое уныние. Озирая непроглядную тьму вокруг, он жалел о случившемся так сильно, что готов был волком взвыть.

Когда-то!

Чу Фэн бросил вызов девяти небесам, сокрушил множество могущественных противников и стал Великим Императором, единолично властвующим над целым краем!

Как же он гордился собой!

Его одиночество было непобедимо!

Он жаждал бросить вызов самим небесам!

И чем всё кончилось?

Он сам выковал артефакт и заточил в него самого себя. Сам вырыл яму и сам же в неё угодил.

Этот артефакт звался Небесный Ковчег Хуньюань. Чу Фэн потратил целое тысячелетие на его создание, собирая по крупицам редчайшие минералы со всех концов света, так что можно было представить, насколько потрясающей была эта вещь.

Однако этот артефакт сыграл с ним злую шутку: угодив внутрь, он оказался в ловушке и теперь не мог выбраться.

Рассчитывать на помощь Тан Цзина? Мечты!

Тан Цзин и не подумал бы его выпускать. Разве жить собственной беззаботной и мирной жизнью — это плохо?

В один из дней около полудня на остров явился юноша!

Зачем он пожаловал?

Убивать!

По какой причине?

Отомстить!

Юноша расставил грандиозную формацию, заперев в ловушку всех обитателей, после чего решил истреблять их поодиночке — по одному человеку в день.

Какая роковая случайность: в первый же день, самым первым в его списке оказался Тан Цзин. Конечно, у них не было никаких личных счетов, и причиной нападения стало лишь то, что Тан Цзин жил на этом острове.

Перед началом расправы юноша решил посеять панику и выманить свою главную цель, с самодовольным видом предвкушая расплату.

Его врагом была женщина лет тридцати с небольшим, которая сейчас проживала на острове и зарабатывала на жизнь блудом.

— Не ожидал?

— И правда, не ожидал!

— Тебе страшно?

— Ни капли!

— Ха-ха, хорош хорохориться!

Юноша холодно усмехнулся, начисто отказываясь верить, что противник не испытывает страха.

— Из-за тебя меня изгнали из дома, а всех моих родных ты велела истребить! Теперь твоя

очередь, я хочу, чтобы ты медленно смаковала вкус смерти. — Облизнув губы, юноша со зловещей гримасой уставился на Тан Цзина: тот был первой жертвой на острове, а потому требовалось соблюсти толику ритуала.

— Ха!

Издав странный вопль, юноша призвал гигантский меч. Клинок медленно поплыл вниз, намереваясь разрубить Тан Цзина пополам.

Тан Цзин помрачнел и потёр лоб: он никак не мог взять в толк, почему он, вечно державшийся тише воды ниже травы, вдруг попал под раздачу?

— Пшёл вон!

Взмахнув рукой, Тан Цзин отобрал у юноши артефакт.

Бац!

Юноша остолбенел: его безотказное оружие вот так запросто конфисковали.

— Нет, я брошу вызов небесам!

С налитыми кровью глазами юноша завопил, растопырил пальцы и бросился на Тан Цзина.

— Псих!

Пиком ноги Тан Цзин впечатал юношу в землю и потребовал ответа:

— Мы с тобой незнакомы и не имеем друг к другу никаких претензий, с какой стати ты на меня набросился?

— Хм! — Юноша холодно посмотрел на Тан Цзина и процедил: — Я дал клятву заставить эту проклятую суку сдохнуть, заставить её испытать ужас и жить в одиночестве посреди гор трупов и кровавых рек. Если хочешь кого-то винить, вини собственное невезение.

У юноши оставались ещё припрятанные козыри, и он тайком накапливал силы.

— Да у тебя с головой не всё в порядке!

Приложив усилие, Тан Цзин просто прикончил паренька на месте.

Какой выдающийся, бросающий вызов небесам гений!

И вот так бесславно погиб!

Гум-гум-гум!

Пространство пошло рябью, и оттуда шагнул мужчина.

— Это ты убил моего сына?

— Скажи я тебе «нет», поверил бы?

— Ты — старший среди сильных мира сего, как у тебя рука поднялась поднять меч на младшего? Тебе не стыдно?

— Ха-ха.

Тан Цзин лишь усмехнулся. Что тут отвечать?

С такими людьми говорить было не о чем.

Мужчина взмахнул рукой, поднялся вихрь, и он ледяным голосом рявкнул:

— Раз ты убил моего сына, я вырежу весь город и потоплю остров в крови!

Тан Цзин почесал затылок, испытывая крайнее раздражение. Он ведь и так вёл себя тихо дальше некуда, но неприятности всё равно нашли его сами. Раз уж так сложилось, придётся вмешаться!

— Иди сюда!

Протянув руку, Тан Цзин заставил мужчину помимо воли прилететь прямо к нему.

— Всё ещё жаждешь мести?

— Больше нет, больше нет!

— Разве ты не собирался вырезать город и уничтожить остров?

— Больше не буду вырезать, и уничтожать не стану...

— Тьфу, перед сильными сгибаешься, а слабых топчешь — ничтожество!

Одним ударом кулака Тан Цзин разнёс мужчину в клочья, а затем вторым ударом врезал по искажённому пространству, после чего всё стихло.

Бросив взгляд на ту женщину, Тан Цзин покачал головой в знак недовольства, но преследовать её не стал.

Разобравшись с обоими неприятелями, он заполучил немало ценного добра и раздал добычу дочерям, чтобы те пользовались.

Уладив дела, Тан Цзин вновь предался безделью, но спустя несколько дней на остров прибыло множество культиваторов.

Все эти люди уже превосходили уровень Императоров Боевых Искусств и являлись Истинными Мастерами, способными стирать Императоров с лица земли щелчком пальцев; прибыли они с Континента Самосовершенствования.

Тан Цзин не желал ввязываться в неприятности и наказал своим людям сидеть по домам и носа не казать наружу, а до остальных ему не было никакого дела.

В этот полдень Шао Цзюнь горбатился на работе, перетаскивая тяжести для чужих людей.

— Живей!

— Шевелись!

— Спать тут удумал?

Наниматель спешил и гнал Шао Цзюня так, что с того градом лился пот.

Внутри бушевало пламя ярости, но выплеснуть его он не смел, сглатывая обиду и терпя из последних сил.

Теперь Шао Цзюнь тоже ступил на путь Воинов, став Воином первой ступени, так что тащить на плечах триста цзиней для него не составляло труда. Но сейчас на спине у него громоздилось целых шестьсот цзиней руды, и он устал как загнанная собака!

В этой руде попадались золото, серебро, медь, железо, алюминий и прочие металлы, и люди

часто испытывали на ней удачу, скупая её вслепую — это называлось охотой за камнями.

Улица торговцев камнями превратилась в целый рынок, где всегда толпилось множество зевак. Тан Цзин тоже затесался в эту толпу.

Заметив Шао Цзюня, он отвернулся, дождался, пока тот отойдёт подальше, и только тогда завернул в какую-то лавку.

Самые мелкие камни размером с кулак стоили дешевле, самые крупные тянули на тысячу цзиней. Тан Цзин поглазел на них немного, не найдя для себя ничего интересного, и удалился.

Сегодня он пришёл сюда главным образом ради состязания по оценке камней — в этот день как раз проводились финалы, обещая грандиозное зрелище.

На площади, где проходили торги, могло свободно разместиться до тысячи человек. Обычно вход был бесплатным, но на время соревнований установили плату в сто серебряных монет.

Тан Цзин устроился на относительно тихом местечке у края, попивая фруктовый сок и наблюдая за соперничеством участников.

Шао Цзюнь тоже проскользнул внутрь. Забившись в угол и заметив там Тан Цзина, он почувствовал тяжёлый укол в сердце и, немного подумав, молча ретировался.

Всю дорогу Шао Цзюнь сжимал кулаки до побелевших костяков и скрежетал зубами от жгучей досады: стоило ему вспомнить, что какой-то ничтожный тип вроде Тан Цзина смог выбиться в люди, как в его душе закипала ненависть к несправедливости небес.

Из-за своей рассеянности он налетел на одного Истинного Мастера и был жестоко избит так, что рухнул на землю и уже не смог подняться.

Лишь под вечер его сыну удалось дотащить отца до дому. Шао Цзюнь едва дышал, и сыну пришлось потратить все семейные сбережения, чтобы купить пилюлю и спасти ему жизнь.

Глубокой ночью!

— А?

— Разве я не умер?

— Погодите-ка?

— Шао Цзюнь?

— Полные тезки?

— Неужели старик я переродился?

— Ха-ха, великому императору Поцзюню не суждено умереть!

— Сами небеса не смогли уничтожить меня!

Охваченный диким восторгом, Шао Цзюнь попытался пошевелиться, но тут же скривился от пронзительной боли во всем теле.

— Хуже некуда, до чего же паршивое это тело мать его!

— Ладно!

— Сначала займусь исцелением!

Скрестив ноги, Шао Цзюнь погрузился в медитацию и приступил к восстановлению ран.

Остаток ночи прошёл в тишине. Наутро Шао Цзюнь размял затёкшие суставы: его раны полностью затянулись, а уровень культивации даже слегка возрос.

Окинув взглядом полуразрушенный дом, Шао Цзюнь решил, что прежде всего нужно раздобыть денег, а до остального руки дойдут позже.

Пошарив по карманам, он обнаружил ровно одну медную монету — до чего же жалкое зрелище!

Прихватив с собой три пиалы, Шао Цзюнь вышел на улицу. Усевшись на обочине, он зычно закричал:

— Подходим, смотрим! Одна медная монета против одной серебряной — испытай свою удачу, здесь можно сорвать куш!

Хотя стояло раннее утро, на улице уже толпилось немало народа, и любопытные стали постепенно стягиваться на призыв.

— Ну же, дружище, одна медная против одной серебряной! Расторопный глаз — и деньги в

кармане.

Хотя этот уличный фокус был донельзя примитивным, желающие испытать судьбу всё равно нашлись: какой-то мальчонка вытащил свою последнюю медяшку в надежде сорвать куш, но результат оказался предсказуем — монета перекечевала к Шао Цзюню.

Стоило кому-то одному положить начало, как за ним потянулись и другие. За какой-то час Шао Цзюнь выручил несколько десятков медных монет.

Народ снужал туда-сюда, а Шао Цзюнь продолжал зазывать прохожих. Терпеливо просидев так целый день, он наскрёб больше трёх сотен медяшек.

Заработав в первый день стартовый капитал, на вторые сутки он забросил это дело и направился прямо в игорный дом.

Уже к полудню Шао Цзюнь загреб несколько тысяч серебряных монет, остановившись лишь тогда, когда полностью разорил заведение.

То был маленький игорный дом, тягаться с ним они не могли, так что им оставалось лишь утереться и проглотить обиду.

С такой суммой в кармане продолжать играть в азартные игры было уже неинтересно. Шао Цзюнь купил просторный дом, обустроил семью и только после этого стал строить планы на будущее.

В прошлом великий император Поцзюнь был универсальным мастером на все руки, искущённым во всём — от алхимии до создания талисманов, поэтому он решил заняться изготовлением пилюль.

На острове находились и другие алхимики, но все они варили лишь горсти бесполезного мусора, не стоившие и взгляда Шао Цзюня.

Потратив несколько сотен серебряных монет на закупку трав и алхимической печи, Шао Цзюнь состряпал сотню пилюль Очищения Костного Мозга.

Получив пилюли, Шао Цзюнь сдал их на аукцион, заодно пристроив пару рецептов и выручив ещё несколько десятков тысяч серебряных монет.

Раз появились деньги, главным приоритетом стало приобретение ресурсов для культивации. Помня о том, что его нынешняя база развития слаба, Шао Цзюнь вёл себя крайне сдержанно.

Один месяц промелькнул как одно мгновение!

Всего за месяц Шао Цзюнь прошёл путь от простого Воина до Императора Боевых Искусств.

Достигнув высокого уровня развития, следовало задуматься о создании собственной территории — Шао Цзюнь вовсе не собирался вечно ютиться под чужим боком.

В этот полдень Шао Цзюнь снова вышел на улицу лотков в поисках подходящего оружия.

Вся улица была забита подделками, среди которых, впрочем, вполне могло заваляться что-нибудь стоящее.

— О?

Шао Цзюнь остановился, пристально глядя на какой-то артефакт в виде палки.

— Сколько стоит эта штуковина?

— Ну, эта вещица обойдётся не дешево!

— Сколько?

— Сто серебряных!

— Сто?

Шао Цзюнь нахмурился: разве сто монет — это дорого?

Заплатив деньги и забрав палку, Шао Цзюнь поспешил домой.

Происхождение этой палки было поистине выдающимся: она принадлежала злейшему врагу Шао Цзюня — Посоху, Подпирающему Небо, что принадлежал У Туну. Оружие обладало способностью менять размеры и могло сокрушать целые планеты.

Вернувшись домой, Шао Цзюнь покачал головой, предаваясь воспоминаниям:

— Вспоминая былые времена, до чего же высокомерным был Великий император У Тун! Кто бы мог подумать, что его оружие в итоге занесёт в столь низменный мир... Какая жалость.

Этот посох доставил Шао Цзюню немало хлопот. При одном воспоминании о нём у него начинала ныть голова, пробуждая смесь ненависти и раздражения.

<http://bllate.org/book/19302/1889175>